

Полянина Ольга Анатольевна

ГОРОДСКИЕ СЛУЖАЩИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена проблемам выявления и анализа мемуарных источников по истории городских служащих - вольнонаёмных сотрудников органов городского самоуправления в дореволюционной России. Рассмотренные издания впервые привлекаются для реконструкции облика данной социальной группы. На основании проведённого анализа устанавливается, что мемуары зафиксировали факты и тенденции, которые не получили отражения в других типах источников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/10/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 147-152. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

VALUES, GOALS AND IDEALS IN STUDENT ENVIRONMENT: DYNAMICS OF CHANGES

Petinova Tat'yana Mikhailovna, Ph. D. in Philosophy
Samara State Technical University
petinovatm@yandex.ru

The article deals with the problem of life goals, values, and moral attitudes of student youth. By the materials of concrete sociological studies conducted in different time intervals with the same study object the dynamics of changes in behavioral and value attitudes of young people is traced. Special attention is paid to the determination of the impact of existing in youth environment ideal models, role models on the formation of life goals and strategies to achieve them. The conclusion is made about causes and factors that influenced the change of the system of values of student youth.

Key words and phrases: student youth; life priorities; values; strategy of goal achievement; moral standards.

УДК 94(470.57)

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблемам выявления и анализа мемуарных источников по истории городских служащих – вольнонаёмных сотрудников органов городского самоуправления в дореволюционной России. Рассмотренные издания впервые привлекаются для реконструкции облика данной социальной группы. На основании проведённого анализа устанавливается, что мемуары зафиксировали факты и тенденции, которые не получили отражения в других типах источников.

Ключевые слова и фразы: воспоминания; мемуары; органы городского самоуправления; муниципальные служащие; городские служащие; «третий элемент».

Полянина Ольга Анатольевна, к.и.н.
Башкирский государственный университет
olga-polyanina@mail.ru

ГОРОДСКИЕ СЛУЖАЩИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как и любое крупное направление научного поиска, история дореволюционной системы местного самоуправления отличается неравномерностью освещения различных аспектов и, вследствие этого, выборочностью использования источниковой базы. Для российского земствоведения, особенно для специалистов, изучающих земских служащих, характерно обращение к источникам личного происхождения и, прежде всего, к мемуарам. Но стабильный исследовательский интерес к земским служащим контрастирует с практически полным отсутствием внимания к другой группе «третьего элемента» – сотрудникам, которых принимали на службу органы городского самоуправления. Воспоминания, зафиксировавшие облик городских служащих, в свою очередь, до сих пор не вовлечены в научный оборот. В данном контексте важной исследовательской задачей становится выявление таких мемуарных источников, их описание и анализ.

Обширность земской мемуаристики предопределила возможность и даже необходимость типологизации анализируемых текстов. Так, Е. В. Чернышёва делит «всю пестроту печатных источников, в которых земские деятели рассказывали о своём прошлом», на 7 основных типов: пространственное жизнеописание, публицистика, хроника, некролог, реплика, тамиздат, технический материал [13, с. 288-290]. Сравнительная немногочисленность выявленных на сегодняшний день «городских» мемуаров не позволяет использовать для их изучения приведённую (или схожую) типологию. Более целесообразным является выделение только двух самостоятельных групп источников: мемуаров, написанных выборными муниципальными деятелями (городскими головами, членами управ), и воспоминаний, принадлежащих перу представителей «третьего элемента». По мере вовлечения в научный оборот новых документов возможна типологизация по хронологическому или территориальному признакам, профессиональной принадлежности и политическим взглядам авторов.

В 1905 г. увидели свет «Записки» бывшего бакинского городского головы Александра Новикова [4]. Общественный деятель, публицист, прозаик Александр Иванович Новиков (1861-1913) к тому времени был уже известен как автор «Записок земского начальника» и «Записок о сельской школе», написанных по итогам работы в Тамбовской губернии. Затем Александр Иванович служил по министерству земледелия на Кавказе и в Крыму, был управляющим государственными имуществами Астраханской губернии, а в 1902-1904 гг. занимал пост городского головы Баку. В политических воззрениях он, по выражению известного эсера В. М. Чернова, «явно и неуклонно шёл в одном определённом направлении: справа – налево», и революция 1905 г. застала потомственного дворянина Новикова в рядах партии социалистов-революционеров.

«Записки городского головы» автор посвятил «своим сослуживцам третьего элемента: людям честным, прямым, бескомпромиссным, добросовестным» [Там же, с. 2]. При этом Новиков относил к «третьему элементу» не всякого «вольнонаёмного культурного служащего городского или земского самоуправления, а лишь тех из них, которые выделялись “общественной жилкой”». Сотрудники, принятые на работу прежним составом управы, были охарактеризованы как «выгребные ямы города», куда гласные «сбывали» всех «родственников,

приятелей, знакомых» [Там же, с. 67-68]. На фоне «бухгалтеров, не знающих дробей», и «юрисконсультов из лесничих» единственным светлым пятном признавался врачебный персонал [Там же, с. 67, 78-79]. Пытаясь создать определённый противовес цензовому элементу, Новиков добился ухода на пенсию «старых, больных, неспособных» служащих, приглашая только тех, «кто не весь ушёл в добывание рублей» [Там же, с. 70-71]. «Эксцентричный» городской голова не боялся принимать на службу ни женщин, чей труд считал «более добросовестным», ни специалистов, «нравственный авторитет» которых был выше, чем у самого Новикова. Считая, что «головой человек плодотворно может работать не более пяти часов», Новиков установил для служащих рабочий день с девяти часов утра до двух часов дня [Там же, с. 123].

Управленческие методы Александра Ивановича не встретили сочувствия окружающих. Городская дума и управа, руководствуясь «бакинским патриотизмом», выступили резко против приглашения специалистов со стороны. Местная пресса иронично отметила, что «Новиков собирает гениев, нужен бы гений собаколов» [Там же, с. 87]. Ещё один серьёзный конфликт между гласными и городским головой разгорелся по поводу строительства водопровода, одновременно в думе, состоявшей из армянской и татарской «партий», обострился национальный вопрос... «Измучившись в бакинском болоте до потери здоровья включительно», Новиков покинул свой пост и продолжил борьбу с оппонентами уже на страницах воспоминаний [Там же, с. 87-90, 145-155]. Изданные по горячим следам, «Записки городского головы» носят яркий публицистический характер и освещают такие аспекты деятельности органов муниципальной власти (кумовство, взяточничество), которые, как правило, не находили отражения в других документах.

В гораздо более сдержанном тоне написаны мемуары Николая Ивановича Астрова (1868-1934), занимавшего на рубеже XIX-XX веков пост секретаря Московской городской думы. В «Воспоминаниях», подготовленных к изданию в годы эмиграции, Николай Иванович с гордостью пишет о доверии, с которым относилась к нему «Управа с громадным количеством служащих разных специальностей, так называемый “третий элемент”». В подтверждение своих слов Астров цитирует письмо «почтенной старой служащей» Московской городской управы М. П. Ватсон. В письме, датированном 1922 г., описывается «унизительное положение, которое приходилось терпеть» автору и её коллегам, «тяжёлая атмосфера», созданная для них выборными должностными лицами. По мнению Ватсон, именно Астров своим отношением как «равный к равному» заставил гласных изменить «обращение со служащими», а самих служащих – «почувствовать себя по-иному» [1, с. 31-32].

Помимо взаимоотношений «третьего» и цензового элементов, в сфере внимания Астрова-мемуариста оказались случаи «бесцеремонного вмешательства администрации в дело приглашения на городскую службу нужных людей» [Там же, с. 35-36] и политические взгляды статистиков [Там же, с. 65]. Описание беспорядков, происходивших в Московской управе во время революционных событий 1905 г., фиксирует неоднородность «третьего элемента», наличие разногласий между социально-профессиональными группами [Там же, с. 120-122]. Активная общественно-политическая деятельность Астрова, входившего в состав центральных комитетов кадетской партии и Всероссийского союза городов, способствовала тому, что в постсоветской историографии его воспоминания оказались достаточно востребованы. Отдельные исследователи унаследовали тезис о принижённом положении городских служащих в виде прямой или скрытой цитаты [7, с. 252; 12, с. 21].

Во второй половине 1990-х гг. в научный оборот были введены воспоминания крупного общественного деятеля Поволжья И. Я. Славина «Минувшее – пережитое» [9; 10]. Иван Яковлевич Славин (1850-1930) получил образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Вернувшись на родину, занял должность мирового судьи, в 1879 г. вошёл в число гласных Саратовской городской думы, а когда «благоволение» коллег к нему окрепло, стал членом управы и заступающим место городского головы. Карьера Славина в Саратовской городской управе продолжалась до 1891 г., когда он подал в отставку, не смирившись с «муниципальным самодержавием» нового головы Епифанова.

«Выйдя на свежий воздух из стен управы после 12 лет пребывания в них», Славин занялся адвокатской практикой, но остался в гуще «муниципальной жизни», сохранив звание гласного, должности попечителя городской библиотеки и попечителя одного из начальных училищ [10]. После 1917 г. Славин неоднократно находился под арестом. Судя по записям Ивана Яковлевича, в числе «репрессий и истязаний, которым он подвергался со стороны советской власти», было нахождение в качестве заложника в плавучей тюрьме (1919), содержание в Бутырской тюрьме (1921). По-видимому, эти события и подтолкнули Славина к подготовке воспоминаний, поскольку значительная часть книги «Минувшее – пережитое» написана в 1922-1923 гг.

Участие Славина в появлении крупнейших культурно-просветительных учреждений Саратова (музея им. А. Н. Радищева, консерватории, публичной библиотеки и др.) предопределило востребованность его воспоминаний среди исследователей социальной и культурной истории Поволжья [9]. Неослабевающий интерес вызывает созданная Славиним галерея портретов политических и общественных деятелей: министров, губернаторов, городских голов, музыкантов, учёных. От наблюдательного взгляда мемуариста, казалось, не ускользнуло ничего: ни постепенная политизация муниципальных выборов, ни сложности лоббирования местных интересов у петербургских чиновников. Ничего, кроме «третьего элемента». Такое невнимание особенно бросается в глаза, если учесть, что Иван Яковлевич долгие годы курировал распорядительный отдел управы, где было сосредоточено делопроизводство, переписка по личному составу, установлению внутреннего распорядка и т.д. То есть работа Славина, по его собственному признанию, носила характер «исключительно кабинетный, в то время как работа остальных членов происходила по преимуществу вне стен управы» [Там же]. Городские служащие появляются на страницах «Минувшего – пережитого» только в связи с холерным бунтом, произошедшим в Саратове 29 июня 1892 г. Описание разгрома городской больницы и холерных барачков не могло быть полным без упоминания судьбы медицинского персонала. Кому-то удалось бежать, у кого-то разграбили

квартиру. Ординатора Брюзгина семья Ивана Яковлевича спрятала на своей даче: врача пришлось остричь, обрить, надеть на него синие очки и отправить в целях безопасности в военный лагерь [10].

В 2012 г. были опубликованы воспоминания Ивана Матвеевича Келле-Шагинова (1853 – после 1929), который несколько десятилетий являлся гласным городских дум Ростова-на-Дону (1891-1917 гг.) и Нахичевани-на-Дону (1881-1903, 1913-1917 гг.) [5]. Бессменный член ревизионных комиссий, Келле-Шагинов подробно описал систему ведения муниципальных финансов, а также выявленные им «злоупотребления и хищения городских достояний». Характерно, что, уделяя значительное внимание строительству коммунальной и социальной инфраструктуры (водопровода, электростанции, библиотеки, гимназии и т.д.), Келле-Шагинов практически «не видит» вольнонаёмных служащих, которых, по его же собственным оценкам, насчитывалось не менее 350 человек. «Служащие Городской Управы, учительский, больничный и Городского банка персонал» появляются на страницах воспоминаний только в ходе обсуждения устава пенсионной кассы, причём автор, так же как и Астров, отмечает наличие в среде «третьего элемента» разных «партий». В начале 1917 г. «митинги между служащими Управы всякого рода» стали одной из причин отставки Ивана Матвеевича с должности члена управы Нахичевани-на-Дону. Тем не менее, когда в июле 1918 г. Келле-Шагинов был приглашён в ростовскую управу, то, приняв кассу, он в первую очередь нашёл возможность выплатить жалование служащим [Там же].

Воспоминания выборных должностных лиц убедительно показывают, что воссоздание истории городского самоуправления требует уточнения роли «третьего элемента». Одновременно необходимо признать, что попытки расслышать голоса его представителей осложнены размытостью данной социальной группы. Для значительной части сотрудников городская служба не была службой (а тем более служением) городу, оставаясь просто способом заработка. Причём это утверждение справедливо как по отношению к вспомогательному персоналу, так и по отношению к кадрам высшей квалификации. В результате принадлежащие им мемуары описывают те события, которые были значимы для автора, а упоминания о службе в городских управах или городских учреждениях малоинформативны и эмоционально не окрашены. Единственное исключение составили те служащие, которые, по выражению Новикова, «обладали общественной жилкой» и воспринимали любую должность с точки зрения долга: профессионального и человеческого.

Такую характеристику можно с полным правом отнести к Дмитрию Александровичу Соколову (1861-1915) – одному из основоположников российской педиатрической школы, талантливому учёному и яркому публицисту. Для анализа мемуаров Соколова, озаглавленных им «25 лет борьбы. Воспоминания врача. 1885-1910», важно учитывать, что Дмитрий Александрович оценивал каждый этап своей карьеры как борьбу – «за существование своё, так и за других, а также за своё научное “я”». После окончания Императорской Военно-медицинской академии Соколову предстояла борьба за право остаться при Академии для усовершенствования и борьба за право вести научные исследования в такой молодой тогда отрасли, как педиатрия. Победив в «борьбе с Голиафом медицины» профессором С. П. Боткиным, Соколов защищает диссертацию и немедленно начинает борьбу за заграничную командировку [11, с. 1-30], потом за звание приват-доцента всё той же Военно-медицинской академии, за покупку первого в России рентгеновского аппарата. Параллельно молодой врач вёл «борьбу» с неграмотными родителями оперируемых им детей [Там же, с. 51-54] и «борьбу за существование», под которой он понимал любую частную практику, отвлекающую от научной деятельности.

Риторика противостояния и противоборства сочетается у Соколова с обескураживающей свободой в выражении своего отношения к окружающим: научным и церковным авторитетам, общественным деятелям, коллегам и подчинённым. Жёсткие неприглядные характеристики людей и событий автор сопровождает ссылками на документы, копиями протоколов, газетных статей, которые подтверждают его точку зрения. Сложно представить, что настолько резкая книга могла быть издана сразу после её написания в 1910 г., если бы к тому времени высочайший профессиональный авторитет Соколова не был подкреплён соответствующим социальным статусом. В момент подготовки воспоминаний Дмитрий Александрович являлся семейным врачом великого князя Константина Константиновича и постоянно проживал в его имении [Там же, с. 192-195].

«Самые неприятные и тяжёлые воспоминания» у Соколова оставила «борьба с городским общественным управлением за интересы столичного общества» [Там же, с. 103]. Глава с таким названием посвящена открытию и первым годам работы крупнейшей на тот момент в России детской больницы (2-я городская детская больница «В память священного коронования их императорских величеств», ныне Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет). Доказывая думским гласным «необходимость безотлагательно строить детскую больницу», Соколов активно «действовал через печать», публикуя в петербургских газетах не только полемические очерки, но и все соответствующие официальные документы. В дальнейшем такой приём превратится в фирменный соколовский стиль общения с городской думой [Там же, с. 103-163].

В 1904 г. здание нового лечебного учреждения было практически достроено, и Соколов, работавший тогда в Женском медицинском институте, дал согласие баллотироваться на пост главного врача больницы, несмотря на просьбы своей жены «держаться дальше от городского управления» [Там же, с. 109]. Последующие 50 страниц воспоминаний содержат без преувеличения уникальную информацию о малоизученных аспектах деятельности муниципальных служащих. Так, описание процедуры выборов городских врачей опровергает сложившееся в историографии представление о порядке назначения служащих. Соколов уточняет роль совета главных врачей, принимавшего непосредственное участие в выдвижении кандидатов и обсуждении их профессиональных качеств [Там же, с. 109-112, 124].

Встав во главе коллектива, насчитывавшего свыше 200 служащих, Соколов столкнулся с различными кадровыми проблемами. В воспоминаниях зафиксированы случаи финансовых нарушений со стороны как цензового, так и «третьего элемента», задержки жалования и наградных [Там же, с. 127-131]. Воспринимая больницу «как бы часть своей семьи», Соколов подробно описывает конфликты между группами служащих (старшими

и младшими врачами, врачами и служителями, служителями и смотрителем). Заслуживают внимания и управленческие методы самого Дмитрия Александровича: «желая отвлечь <подчинённых> в праздничное время от трактира и винной лавки», он устраивал вечеринки с туманными картинами, а также «собрания служащих до дворников и нянь включительно, когда выслушивал их заявления о своих нуждах» [Там же, с. 139]. Из выборных низших служащих были образованы особые комитеты «для обсуждения вопросов материального быта и служебного поведения». В результате городская детская больница стала одним из немногих учреждений, где не было ни одной забастовки и ни одного митинга во время революционных событий 1905 г. [Там же, с. 136-139]. Но «меры действия убеждением, внушением встретились с проповедью страха и взысканий» со стороны попечителя и старших врачей. Написанный ими донос был благосклонно встречен гласными, уставшими от «enfant terrible городского самоуправления», и увольнение Соколова было предрешиено.

Широкий отклик у современников нашёл рассказ городского врача Санкт-Петербурга Екатерины Виссарионовны Сланской «По визитам». Первая публикация произведения состоялась в журнале «Вестник Европы» (1894), а после смерти Сланской оно было переиздано отдельной книгой под заглавием «День думского женщины-врача в Санкт-Петербурге» [2]. Рассказ отличают несомненные художественные достоинства: композиционная стройность, хороший литературный язык. Произведение представляет собой описание одного дня думского врача, в обязанности которого входил амбулаторный приём бедных жителей своего участка, а затем «визиты» по квартирам (точнее, по углам, подвалам и чердакам) к тем больным, которые не могли прийти самостоятельно. Благодаря фотографически точному описанию быта малообеспеченных горожан, их поведенческих и мировоззренческих установок текст Сланской привлекался исследователями для реконструкции повседневной жизни низших слоёв населения [3, с. 22-28].

В то же время «День думского женщины-врача» является важным источником по истории муниципальной службы. Сланская достаточно саркастично отзывается о режиме и условиях труда. Снимая квартиру из трёх маленьких комнат, Сланская должна была отдать одну из них для приёма больных. Кашель, стоны, «неугомонная трескотня баб и крик и плач детей» создавали в маленькой комнате невыносимую «музыку», однако нанять большую квартиру думскому врачу было не по средствам [2, с. 6-10]. Примечательно, что, описывая свой рабочий день, Екатерина Виссарионовна неоднократно цитирует инструкцию, составленную для городских врачей Петербургской думой. В самом конце дня (и, следовательно, в конце рассказа) автор идёт в «интеллигентную» семью, то есть такую, которая, судя по визитной карточке, в состоянии вызвать врача за деньги. Именно там, во время скандала, устроенного отцом заболевшего ребёнка, Сланская излагает причины, побудившие её посетить «интеллигентный» дом в последнюю очередь. «Прежде, – объясняет она собеседнику, – многие, очень многие из <бедного> люда переносили всякого рода болезни, страдали и умирали – не получая никакой врачебной помощи. Вот Дума и порешила наконец сделать так, чтобы и эти бедняки могли, в случае надобности, пользоваться хоть какой-либо врачебной помощью; для этого она разделила город на участки – очень большие, нужно сказать – и учредила в каждом участке должность особого думского врача» [Там же, с. 63-65]. В заключение она перечисляет свои обязанности по приёму и посещению больных, подчёркивая, какую важную роль играет думский врач в жизни «крайних бедняков», и эта сцена придаёт финалу рассказа определённый гуманистический пафос.

Тему оказания медицинской помощи наименее защищённым слоям населения продолжают записки Марии Ивановны Покровской «Как я была городским врачом для бедных (Из воспоминаний женщины-врача)» [8]. Наибольшую известность М. И. Покровской (1852 – после 1917) принесли её феминистские взгляды и деятельность на посту редактора «Женского вестника», поэтому основная часть публикаций Марии Ивановны рассматривается исследователями в контексте так называемой «женской истории». Сюжет упомянутых записок ожидаемо строится вокруг стремления автора развеять предубеждение о «легковесности женского мозга» и «доказать обществу, что женщины могут быть на практике не худшими врачами, чем мужчины» [Там же, с. 3-6]. Также настойчиво проводится и другой важный для Покровской тезис – идея о бесполезности и даже вреде лекарственных средств. Если по приезде в губернский город Х. молодой врач больше всего дорожила «тетрадью с рецептами», то впоследствии автора воспоминаний не раз посещало желание сжечь «толстые руководства с распознаванием и лечением болезней» [Там же, с. 32-38].

Ежедневная работа в городской амбулатории привела Покровскую к убеждению, что «главная обязанность врача – уничтожить вредные условия жизни, которые создают болезнь» [Там же, с. 60-61]. Вместе с тем воспоминания «Как я была городским врачом для бедных» интересны не только с точки зрения развития идей феминизма или становления профилактической медицины. Едкий саркастический стиль Покровской оказывается вполне уместным при описании условий труда городских врачей. Новое измерение приобретает и традиционная для подобных публикаций тема взаимоотношений цензового и «третьего» элементов. Покровская достаточно подробно пишет о борьбе двух думских партий, к одной из которых принадлежал пригласивший её городской голова Назаров. Пользуясь его неизменным расположением и дружелюбием, врач могла сравнительно долго игнорировать враждебное отношение членов городской управы. После перевыборов Назарова сменил новый голова, «который смешивал городскую службу по найму с почтением и уважением к самому себе» [Там же, с. 63-67].

Оппозиционность и даже определённая маргинальность Покровской как личности позволила ей коснуться целого ряда «неудобных» тем. Достаточно редкими для мемуаристики являются, в частности, описания конфликтов, возникавших между служащими из одной профессиональной и социальной группы. Вскоре после того, как Покровская приступила к работе, два других врача, служивших в той же управе, потребовали от неё «не баловать бедного населения бесплатными визитами» [Там же, с. 29], поскольку это не отвечает интересам профессионального сообщества. Не сумев, по её ироничному выражению, «проникнуться корпоративным духом», Покровская продолжила посещать больных, оставив теоретическое решение вопроса «о соотношении

интересов общества и интересов корпорации» открытым [Там же, с. 28-30]. Вторая, не менее важная, но также замалчиваемая многими мемуаристами тема – это совмещение муниципальной службы с частной практикой и заработком на стороне [Там же, с. 8, 21]. Воспоминания Покровской позволяют, по крайней мере, косвенно оценить масштабы такого совмещения должностей, выявить его причины и последствия.

Врачи являлись не единственной профессиональной группой городских служащих, оставившей след в мемуаристике. Уникальный материал собран в книге воспоминаний, посвящённой талантливому инженеру Владимиру Васильевичу Ольденборгеру (1863-1921) [6]. Уроженец Новгород-Северска, Ольденборгер окончил математический факультет Московского государственного университета, а затем Высшее Московское техническое училище. Обладая «определённо выраженным вкусом к общественной работе» [Там же, с. 58-59], инженер отказался от продолжения карьеры на частном заводе и в 1894 г. поступил на службу в Московское городское управление в качестве механика Алексеевской насосной станции. Вскоре Владимир Васильевич занял пост главного механика Московского городского водопровода, внося неопределимый вклад в его развитие и техническое перевооружение.

После самоубийства Ольденборгера в 1921 г. его коллеги подготовили сборник, куда вошли тексты речей, произнесённых на похоронах, а также воспоминания инженеров, механиков и рядовых рабочих водопровода. Все они проявили полное единодушие в оценке личностных и профессиональных качеств Ольденборгера, отметив его «большую творческую фантазию», «тонкое техническое чутьё» [Там же, с. 60-62], исключительную добросовестность, честность и трудолюбие. При этом книга осталась относительно свободной от идеологической заданности: в ней есть упоминания о доносах, послуживших причиной самоубийства, о желании Ольденборгера уехать за границу, цитируется решение рабочих хоронить своего «деда» по церковному обряду [Там же, с. 66-67].

С точки зрения изучения дореволюционного периода наибольший интерес представляют воспоминания машиниста А. Т. Тимофеева, описавшего бытовую сторону жизни своих коллег, а также затронувшего тему взаимоотношений высших и низших городских служащих. По словам Тимофеева, «во времена городской управы» Ольденборгер являлся единственным представителем администрации, который не заслужил ни одного упрека со стороны подчинённых. Приучая рабочих к «строгому выполнению дел», он тем не менее «ни в чём не выражал своего высокого положения», делился с сотрудниками планами, поддерживал их «во всех семейных нуждах» [Там же, с. 39-42]. Но первоочередной задачей для Владимира Васильевича всегда оставалась бесперебойная работа инженерных сооружений. В ноябре 1917 г. Ольденборгер, ставший к тому времени заведующим водопроводом, «открыто и резко высказывался против забастовки городских служащих», считая, что порча водопровода может губительно отразиться на населении [Там же, с. 35-36].

Подводя итоги, необходимо отметить, что выявленный на сегодняшний день корпус мемуаров городских деятелей фиксирует:

- 1) неоднородность городского «третьего элемента», существенные разногласия между социальными и профессиональными группами служащих;
- 2) неформальный характер взаимоотношений выборных должностных лиц и наёмных служащих, зависимость данных взаимоотношений от политических взглядов, личных симпатий, дружеских и родственных связей;
- 3) наличие финансовых (в том числе коррупционных) правонарушений в среде служащих.

Помимо этого, мемуары являются важным источником для реконструкции повседневной жизни городских служащих: условий труда и быта, взаимоотношений с населением, совмещения основной работы с частной практикой и т.п.

Обращение к перечисленным темам характерно и для земской мемуаристики, что в очередной раз подтверждает близость правового и социального статуса двух групп муниципальных служащих. Сопоставление мемуаров земцев и «городцов» позволяет провести ещё одну важную параллель. Выборные должностные лица описывали деятельность органов местного самоуправления, нередко полностью игнорируя «третий элемент», в то же время сами служащие рассматривали успехи земско-городской медицины или образования как свою победу, одержанную вопреки гласным и членам управы. Таким образом, необходимость уточнения роли «третьего элемента», его вклада в развитие дореволюционной системы местного самоуправления обуславливает потребность в дальнейшем выявлении мемуаров по исследуемой теме, их анализе и сопоставлении с другими видами источников.

Список литературы

1. Астров Н. И. Воспоминания. М.: Изд-во гос. публ. ист. б-ки, 2000. 173 с.
2. День думского женщины-врача в Санкт-Петербурге: рассказ женщины-врача Е. Сланской. СПб.: Американская скоропечатня, 1904. 67 с.
3. Деревенские дети России XIX – начала XX века: хрестоматия: в 2-х ч. / отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. Ч. 1. 204 с.
4. Записки городского головы Александра Новикова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 241 с.
5. Келле-Шагинов И. М. История семьи из бывшего города Нахичевани-на-Дону в воспоминаниях ушедших поколений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Envion/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3185&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.08.2016).
6. Памяти инженера Владимира Васильевича Ольденборгера. М.: Тип. МКХ, 1923. 88 с.
7. Писарькова Л. Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2010. 752 с.
8. Покровская М. И. Как я была городским врачом для бедных (из воспоминаний женщины-врача). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1903. 68 с.

9. **Славин И. Я.** Минувшее – пережитое [Электронный ресурс] // Волга. 1998. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1998/7/slavin.html> (дата обращения: 15.08.2016).
10. **Славин И. Я.** Минувшее – пережитое [Электронный ресурс] // Волга. 1998. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1998/8/slavin.html> (дата обращения: 15.08.2016).
11. **Соколов Дм.** 25 лет борьбы. Воспоминания врача. 1885-1910 г. СПб.: Тип. А. В. Орлова, [1910]. 201 с.
12. **Судацов Н. Д.** Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. 718 с.
13. **Чернышёва Е. В.** К типологии мемуарных источников (по материалам воспоминаний земских деятелей) // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества: XI Междунар. ист.-пед. чтения: сб. науч. ст.: в 2-х ч. Екатеринбург, 2007. Ч. 1.

MUNICIPAL SERVANTS OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA IN AUTOBIOGRAPHICAL LITERATURE

Polyanina Ol'ga Anatol'evna, Ph. D. in History
Bashkir State University
olga-polyanina@mail.ru

The article focuses on identifying and analyzing autobiographical sources on the history of municipal servants – civilian employees of municipal self-government bodies in pre-revolutionary Russia. The publications under review are used for the first time to reconstruct the image of this social group. The analysis indicates that the memoirs fixed the facts and tendencies, which were not represented in other types of sources.

Key words and phrases: reminiscences; memoirs; bodies of municipal self-government; municipal servants; “third element”.

УДК 75

Искусствоведение

Статья посвящена исследованию творческого наследия Б. С. Угарова (1922-1991), народного художника СССР, действительного члена и президента Академии художеств СССР (1983-1991). При анализе корпуса жанровых произведений Б. С. Угарова за весь период творчества обращают на себя внимание существенные стилистические отличия между картинами, написанными в разные временные промежутки. Резкая смена авторской манеры произошла во второй половине 1950-х годов – пластичность перестала быть для художника центральной проблемой изобразительного мастерства.

Ключевые слова и фразы: живопись; Угаров; русский художник; ленинградская живопись; декоративность.

Попов Алексей Валентинович

Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова
alespopov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ АВТОРСКОЙ МАНЕРЫ Б. С. УГАРОВА В ЖАНРОВОЙ ЖИВОПИСИ

Проведенное исследование искусствоведческой литературы показало отсутствие в имеющихся публикациях анализа стилистической эволюции авторской манеры Б. С. Угарова в его жанровых произведениях и картинах исторической тематики [1-3; 5; 6]. Возможно, причины, объясняющие сложившуюся ситуацию, заключаются в том, что никто не проводил монографического исследования всего творческого наследия художника, поэтому В. А. Ляжшин характеризовал творческий путь Б. С. Угарова следующим образом: «...во всех его работах прослеживается эволюция неспешная, естественная, вдумчивая...» [2, с. 29]. Однако с мнением известного петербургского искусствоведа не представляется возможным согласиться – при анализе корпуса жанровых произведений Б. С. Угарова за весь период творчества обращают на себя внимание существенные стилистические отличия между картинами, написанными в разные временные промежутки. Так, наблюдаются принципиальные различия между стилистикой картин «Колхозная весна» (1951), «В колхоз. Год 1929-й» (1954), «Строители Волховской ГРЭС» (1960), с одной стороны, и стилистикой таких картин, как «На рудниках. 1912 год» (1957), «Ленинградка (В сорок первом)» (1961), «Октябрь» (1964), «Нева. Белая ночь» (1971), «Солдаты революции» (1977), «Пушкин в Тригорском» (1982), с другой стороны. В связи с этим исследование особенностей формирования и эволюции авторской манеры Б. С. Угарова в жанровой живописи за весь период творческой жизни художника представляет несомненный научный интерес.

Формирование авторской манеры Б. С. Угарова пришлось на первую половину 1950-х годов. Даже формально этот период творческой жизни ленинградского художника связан с обучением – в 1951 году Б. С. Угаров написал жанровую картину «Колхозная весна» для защиты диплома в Институте имени И. Е. Репина, а в 1954 году закончил аспирантуру при живописном факультете того же института с предоставлением картины «В колхоз. Год 1929-й». Стилистически обе картины подобны с точки зрения пластических решений – иллюзорное пространство развернуто далеко в глубину картины, изображенные предметы написаны с подчеркнутой объемной выразительностью формы, а композиции можно отнести к так называемой композиции объемов.